

СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АНТИСТИХА В БУКОВНИЦЕ 1592 Г.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Инь Сюй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 3 мая 2018 г.

Аннотация: статья посвящена грамматическому словарю церковнославянского языка Буковницы Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ, ф.173.1, № 35, л. 130–235), призванному кодифицировать и внедрить в практику книжного письма орфографические оппозиции для реализации принципа антистиха; особое внимание уделяется анализу трансформации исходной системы, восходящей к орфографическому трактату «О множестве и о единстве».

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, орфографическая кодификация, грамматическая кодификация, церковнославянский язык, принцип антистиха, Буковница 1592 г.

Abstract: this article is devoted to a hand-written treatise “Bukovnica” of Gerasim Vorbozomskij 1592 (Russian State Library, f. 173.1, № 35, pp. 130–235), which designed to codify and put into practice orthographic opposition for the realization of the principle of anti-verse; particular attention is paid to the analysis of the transformation of the original system of the orthographic treatise “Concerning the singularity and plurality”.

Keywords: Slavic grammatical tradition, orthographic codification, grammatical codification, Church Slavonic, principle of anti-verse, Bukovnica 1592.

1. Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. из собрания Московской духовной академии (РГБ, ф.173.1, № 35, лл. 130–235), представляет собой особый тип грамматического описания, который может быть определен как «грамматический (словоизменительный) словарь» [1, 69] или «словарь трудностей церковнославянского языка» [2, 40]. В этом грамматическом словаре в основу построения словарного гнезда положен принцип антистиха — принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [3; 4].

На славянской почве антистих впервые получает обоснование в трактате Константина Костенечского «Сказаніе ѣзыкавлѣнно ѡ писменѣ...» [5, 383–487]. В Древней Руси этот принцип подвергся дальнейшему развитию в ряде авторитетных орфографических руководств, среди которых первенствует сочинение «Ѡ мнѡжествѣ ѡ ѡдѣнствѣ» [5, 719–724], задающее наиболее полный репертуар орфографических оппозиций, служащих для противопоставления грамматических омонимов единственного и множественного числа: о — ѡ, и/ї — ѣ, а — ѡ, ѡ — ѡу, ѡ — ѡ (ср. Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р. ѡзѡкъи — ѡзѡкъы, Т ед.ч. // Д мн.ч. ѡггломѣ — ѡггломѣ, И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. ѡггльскаѡ — ѡггльскаѡ).

Значение Буковницы для истории славянской грамматической мысли определяется, в частности, тем, что она позволяет с достаточной ясностью уви-

деть, как набор орфографических средств снятия омонимии, заимствованный ее автором из трактата «Ѡ мнѡжествѣ ѡ ѡдѣнствѣ», прилагается к конкретному языковому материалу.

Ориентацию на сочинение «Ѡ мнѡжествѣ ѡ ѡдѣнствѣ» составитель Буковницы отчетливо декларирует в кратком предисловии, в котором он провозглашает цель своего труда — изложение «по боуѡкѡѡ ѡ ѡдѣнствѣ ѡ мнѡжствѣнѡ» (л. 130) и приводит взятые из трактата пары оппозиционных графем в виде ключа на первых листах рукописи (ѡ — ѡ, и — ѣ/ѡ, ѡ — ѡ, ѡ — ѡу, ѡ — ѡ, л. 130–137). Автор Буковницы призывает «калиграфѡ», основного адресата своего труда, при «писаніи стѣхъ книѣ» (л. 130) разграничивать омонимичные формы единственного и множественного числа во избежание искажений канонического текста: «знѡнъ брѡтѣ сѡѡ, ѡдѣнствѡ ѡ мнѡжствѡ стѡѡ мнѡгѡ ранѣствѣт{!}» (л. 133).

В отличие от трактата-ориентира, где дается теоретическое обоснование принципа антистиха, а единичные пары грамматических омонимов служат лишь иллюстративным материалом, в Буковнице принцип антистиха внедряется в практику книжного письма, а грамматические омонимы, противопоставленные на орфографическом уровне, выступают в качестве объекта систематизации и кодификации.

2410 омонимичных пар, «ѡ нѡжъ состоѡтѡ ѡдѣнствѡ ѡ мнѡжствѡ» (л. 130), автор Буковницы располагает в алфавитном порядке «по боуѡкѡѡ» (л. 130) в двух колонках таблицы, указывая грамматическую дефиницию «ѡдѣнствѡ» // «мнѡжствѡ» в шапке

соответствующей колонки. Ср. фрагмент таблицы на л. 131 об. и его оцифрованный вариант с трак-

товкой грамматической семантики форм (Рисунок 1 и Таблица 1):

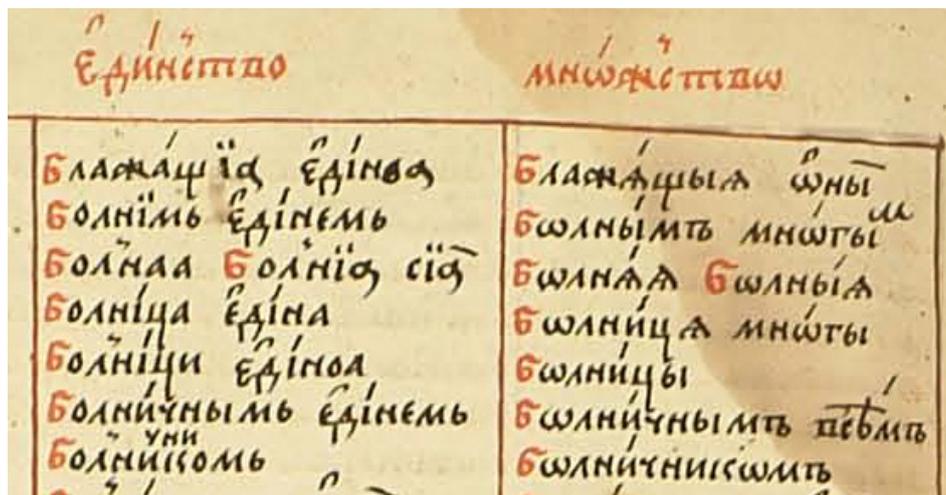

Рисунок 1. Фрагмент таблицы на л. 131 об.

Таблица 1. Оцифрованный вариант фрагмента с трактовкой грамматической семантики форм

грамматическая семантика	ѣдѣнство	множество
Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прич.	блжѣщѣа ѣдина	блжѣщѣа ѡны
Т ед.ч.м., с.р. // Д мн.ч. прил.	болѣмь ѣднемь	болѣмь многы
И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил.; Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил.	болѣа болѣа сѣа	бѡлѣа бѡлѣа
И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р. сущ.	болѣца ѣдина	бѡлѣца многы
Р ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. сущ.	болѣци ѣдина	бѡлѣци
Т ед.ч.м., с.р. // Д мн.ч. прил.	болѣчнымь ѣднемь	бѡлѣчнымь всѣмь
Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.	болѣчникомь	бѡлѣчникомь

В полном соответствии с предписаниями трактата «Ѡ множествѣ ѣдѣнствѣ» составитель Буковницы последовательно использует оппозиционные графемы во флексиях форм, требующих расподобления: ср. И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. грѣхъ — грѣхъ мой (л. 133 об.); Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. гласомь — гласомь (л. 133); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. ѣдиници — ѣдиницы (л. 135), И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. десница ѡна — десница (л. 134 об.); Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. драга — драга (л. 134 об.) и т.п. Из 2410 омонимичных пар засвидетельствовано лишь 6 случаев, где орфографические средства дифференциации не задействованы в окончаниях: ср. И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. бѡдраа — бѡдраа (л. 131 об.), Р ед.ч.ж.р. // Р мн.ч.ж.р. ѣпистѡлин — ѣпистѡлин (л. 135), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. поустникомь — поустникомь (л. 138 об.).

Вместе с тем способ реализации принципа антистиха, заданный в трактате «Ѡ множествѣ ѣдѣнствѣ» (а также в соответствующих ему орфографических руководствах «Ѡила соуществѣ книжнаго писма» [5, 707–719], «Ѡила существѣ книжнаго писма» [5, 724–730] и «Ѡказаніе Ѡ книжной премѡрости» [5, 1011–1018]), подвергается в Буковнице значительному переосмыслению и трансформации.

Если в трактате «Ѡ множествѣ ѣдѣнствѣ»

оппозиционные графемы были задействованы исключительно во флексиях, то в Буковнице диапазон позиций значительно расширен: «числовой» показатель может использоваться не только во флексии, но и в основе, в том числе — в позиции абсолютного начала слова [6]: И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. цитѣлница сѣа — цытѣлница ѡны (л. 150 об.), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. царѣцнымь ѣднемь — царѣцнымь (л. 145), Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. жажѡцимь ѣднемь — жажѡцимь (л. 136), И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. оутверждаемь Ѡ — оутверждаемь мы (л. 142), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. ѡбращѣтелникъ Ѡ — ѡбращѣтелникъ тѣ (л. 144 об.), И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. ѣснаа сѣа — ѣснаа многа (л. 151 об.); И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. ѡбзадемь Ѡ — ѡбзадемь (л. 149 об.).

Однако, в отличие от флексии, графико-орфографическое разграничение омонимов в иных позициях не является строго императивным и реализуется нерегулярно. Так, например, из 1135 омонимичных пар, противопоставление которых могло быть оформлено посредством графем Ѡ — ѡ в середине слова, эта возможность была реализована в 911 случаях (в 80%): И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. болѣца ѣдина — бѡлѣца многы (л. 131 об.), И ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. прич.

гонáци Ѡ — гунáце (л. 133). Отсутствие противопоставления наблюдается преимущественно там, где о выступает в качестве интерфикса в сложном слове (176 примеров): Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. трѣдолоубнымъ ѣдинемъ — трѣдолоубныи люде (л. 141 об.), И ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. хвалолоубца того — хвалолоубца мнѣгы (л. 143 об.).

В целях максимального расподобления омонимичных форм создатель Буковницы дополняет репертуар орфографических оппозиций, наделенных смысловозначительными функциями, новыми парами, в которые входят в том числе и скорописные начертания, надстрочные знаки, выносные буквы: з — з̣ / з̣ — з̣ / з̣ — з̣, о — ъ, ε — ь, ѣ — е / ѣ — е, ь — ĩ, ф — ѿ / ѿ — ф, и — ĩ / ĩ — и, ĩ / ĩ — ĩ; α — а, ε — ε / ε — ε; строчная — выносная буквы; оксия — вариация, наличие/отсутствие паерка. В отличие от стандартного набора числовых показателей, заимствованного из трактата «Ѡ мнѣжествѣ ĩ Ѡ ѣдинствѣ», сфера и частотность употребления новых пар весьма ограничены, в некоторых случаях члены одной пары могут свободно варьироваться в формах единственного и множественного числа.

Впервые употребление новой орфографической оппозиции з — з̣ было отмечено В. М. Живовым, зафиксировавшим ее использование в трех парах грамматических омонимов [7, 292]. Компьютерная обработка языковых данных позволила нам установить, что наряду с парой з — з̣, засвидетельствованной в 10 примерах (ср. Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. жизнѣдателнимъ — жизнѣдателнымъ л. 136, Р ед.ч.ж.р. // В мн.ч.м.р. прил. трѣзвыа ѣа — трѣзвыа члцы л. 141), в Буковнице представлен ее зеркальный вариант з̣ — з (И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прич. возносимаа сѣа — възносимаа мнѣна л. 132 об., И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. ѡблзѣаемъ Ѡ — ѡблзѣаемъ л. 149 об.), а также оппозиция с участием буквы з̣: з̣ — з̣ (Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. жизнѣдателемъ — жизнѣдателемъ л. 136 об., Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. жизнѣдателнимъ — жизнѣдателнымъ л. 136 об.).

Пара о — ъ фигурирует исключительно в префиксах типа вос — въс, во — въ, со — съ (всего 37 примеров): Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прич. воспѣваемыа Ѡноа — въспѣваемыа (л. 132 об.), И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. водворѣемъ Ѡ — въдворѣемъ мѣи (л. 132 об.), И ед.ч. прит. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. съвѣсѣдниковъ съ — съвѣсѣдниковъ мнѣгы (л. 140 об.).

Аналогичная закреплённость «числовых» показателей за определенными аффиксами характерна для пар ε — ь (ѣств — ѣств, ѣск — ѣск) и ĩ — и (ник — ник, нѣц — нѣц): Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.с.р. пррѣствѣа того — пррѣствѣа мнѣгы, И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. пррѣскаа сѣа — пррѣскаа мнѣна, (л. 138); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. волнѣци ѣдиноа — волнѣци (л. 131 об.), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. ратникъ Ѡ — ратникъ мнѣгы (л. 139).

Орфографическая оппозиция α — а со скорописным начертанием α используется только во флексиях прилагательных И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р.: прѣблѣеннаа — прѣблѣеннаа (л. 138 об.), фѣддорѣтовскаа сѣа — фѣддорѣтовскаа мнѣ (л. 138 об.). В отличие от нее сфера употребления оппозиции со скорописным начертанием ε — ε и ее зеркального варианта ε — ε значительно шире (488 примеров из 1214 потенциально возможных, т.е. 40%, в том числе ε — ε 316 примеров, ε — ε 172 примера): И ед.ч. страд. прич.м.р. // 1 л. мн.ч. наст. вр. высылѣемъ Ѡнъ — высылѣемъ мѣи (л. 132), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.с.р. знѣнемъ ѣдинемъ — знѣнемъ мнѣгы (л. 137), И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прич. оутверждаемаа сѣа — оутверждаемаа (л. 142), И ед.ч. прит. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. цѣлбонѣцевъ грѣв — цѣлбонѣцевъ мнѣгы (л. 145 об.).

Реализация принципа антистиха посредством оппозиции строчной и выносной буквы засвидетельствована в 120 парах, в 112 из которых (93%) выносная буква представлена в формах множественного числа: (1) с строчная — з̣ выносная: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. раскѣлникъ Ѡ — раскѣлникъ мнѣгы (л. 139); (2) з̣ строчная — з̣ выносная: Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.с.р. разстоѣнѣа малаго — растѣлѣнѣа (л. 139 об.); (3) жд̣ строчная — жд̣ выносная: Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. страждѣцимъ — страждѣцимъ людемъ (л. 140); (4) л̣ строчная — л̣ выносная: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. должникъ Ѡ — должникъ мнѣгы хъ (л. 134 об.); (5) м̣ строчная — м̣ выносная: Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. трѣдолоубнымъ ѣдинемъ — трѣдолоубныи люде (л. 141 об.).

Пара надстрочных знаков оксия — вариация служит средством различения форм И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. (всего 36 примеров): раширѣемъ Ѡ — раширѣемъ мѣи (л. 139), оудобрѣемъ Ѡ — оудобрѣемъ мѣи (л. 142), ѡсѣкаемъ Ѡ — ѡсѣкаемъ мѣи (л. 144 об.).

В Буковнице насчитывается 738 позиций с написанием паерка, в том числе в 553 случаях этот знак ставится только в единственном числе, в 10 случаях — во множественном числе: (1) паерок в единственном числе: И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. ѡггелскаа сила — ѡггелскаа вѣнства (л. 130), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ.м.р. бѣнникъ ѣдин — бѣнникъ мнѣгы (л. 131 об.), И ед.ч.ж.р. // И мн.ч.м.р. прич. вѣдѣци Ѡнъ — вѣдѣци мѣи (л. 132 об.); (2) паерок во множественном числе: Т ед.ч. прич. м., с.р. // Д мн.ч. прич. развѣтѣмъ — развѣтѣмъ (л. 139 об.), Р ед.ч. // В мн.ч. сущ.м.р. чюдѣносцаа того — чюдѣносцаа мнѣгы (л. 146), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ.м.р. ѡглоглаголѣкомъ — ѡглоглаголѣкомъ (л. 152). В позиции конца и середины слова возможна и дифференциация омонимичной пары с помощью оппозиций паерок — ѣ / ѣ (46 примеров): И ед.ч. притяж. прил.м.р. // Р мн.ч. сущ.м.р. ѡрхѣгелѣв глас — ѡрхѣгелѣв мнѣгы хъ (л. 130), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. сѣтѣлскѣмъ — сѣлѣскимъ (л. 140), И ед.ч.м.р. страд. прич.

// 1 л. мн.ч. наст. вр. *ѡносоѡствѣдемъ ѡнѣ* — *ѡносоѡствѣдемъ мѣи* (л. 152 об.). Можно заключить, что в системе Буковницы паерок наделяется, прежде всего, семантикой единственного числа.

Расширение репертуара графико-орфографических средств снятия грамматической омонимии и диапазона позиций их употребления наглядно демонстрирует стремление создателя Буковницы к максимальному орфографическому расподоблению омонимичных форм во всех возможных позициях. Грамматические омонимы могут быть противопоставлены посредством нескольких пар оппозиционных графем, занимающих разные позиции в слове. Так, одновременно 3 оппозиции задействованы для противопоставления 679 пар омонимичных форм: Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. *высокіа* — *высокіа* (л. 132), Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. *ѡзычнѣмъ ѡднѣмъ* — *ѡзычнѣмъ мнѡгы* (л. 151 об.); 4 оппозиции — для противопоставления 324 пар: Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. *широкіа* — *широкіа* (л. 147), И ед.ч.м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. *цѣрвѣмъ съ* — *цѣрвѣмъ мы* (л. 150 об.); 5 оппозиций — 130 пар: Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. *фѣдѡсѣемъ ѡднѣмъ* — *фѣдѡсѣемъ мнѡгы* (л. 148 об.), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ. м.р. *ѡсноглагольнікъ съ* — *ѡсноглагольнікъ мнѡгы* (л. 153 об.); 6 оппозиций — 44 пары: И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. *хѡдѡжственіковъ глаасъ* — *хѡдѡжственіковъ* (л. 143 об.), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. *ѡвращателнікомъ* — *ѡвращателнікомъ* (л. 144 об.). Наконец, максимально возможно расподобление в 7 позициях представлено в 4 парах омонимов: И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. *ѡверзателніковъ* — *ѡверзателніковъ* (л. 144 об.), Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. *чѣноначалнікомъ* — *чѣноначалнікомъ* (л. 146 об.), И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. *чѣноначалніковъ съ* — *чѣноначалніковъ мнѡ* (л. 146 об.), Р ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.ж.р.=В мн.ч.м.р. прил. *фѣдѡсѣевскіа ѡноа* — *фѣдѡсѣевскіа* (л. 148 об.).

Стратегия противопоставления словоформ с разными грамматическими значениями требовала однозначного определения их грамматической семантики, для описания которой, помимо собственно дефиниции в шапке таблицы «ѡдѣнство» // «мнѡжствѡ» (см. Рисунок 1), в Буковнице использован иллюстративный (или контекстуальный) способ. Контрастирующие формы могут быть приведены не изолированно, а в расширенном контексте, в составе словосочетания, которое содержит осязаемые опоры — грамматические конкретизаторы-распространители, позволяющие установить грамматическое значение единицы. Контекстуальный способ семантизации применен для 2952 из 4820 (61%) словоформ, из которых 1610 (67%) форм единственного числа и 1342 (56%) форм множественного числа.

Среди грамматических конкретизаторов-распространителей безусловно доминируют (2748 из 2952,

93%) местоимения (ѡ, ѡноа, ѡнѣмъ, съо, сѣго, сѣа, тѣо, тѣа, тогѡ, тоа, мѣи, намъ, наши, наши, тѣѣ, всѣѣ и т.п.) и слова с количественным значением (ѡдѣнъ, ѡдѣнаго, ѡдѣнемъ, ѡдѣноа, мнѡга, мнѡ, мнѡжна, мнѡнаа, мнѡжны и т.п.). Ср.: Т ед.ч. // Д мн.ч. *бѣлымъ ѡднѣмъ* — *бѣлымъ мнѡгымъ* (л. 131); И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. *сѣлана ѡна* — *сѣлана ѡны* (л. 137 об.); И ед.ч.м.р. // Р мн.ч.м.р. *совѣднікъ* — *сѣвѣднікъ всѣѣ* (л. 140 об.); Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ.ж.р. *цѣвниці ѡдѣноа* — *цѣвниці ѡны* (л. 145). К остальным 7% относятся существительные (*вѣбра, гласы, гласѡмъ, люди, полаты, равѡмъ, равѡ, роука, срѣемъ, сілаамъ, оучнѣцы, чѣкъ* и т.п.), с которыми согласуются противопоставляемые словоформы прилагательных и причастий, благодаря чему достигается конкретизация по роду: И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. *рѣчнаа стрѡа ѡдѣна* — *рѣчнаа оустрѣмленѣа* (л. 139); Т ед.ч. прил.с.р. // Д мн.ч. прил. *радѡстнымъ срѣемъ* — *радѡстнымъ* (л. 139 об.); И ед.ч.ж.р. // И=В мн.ч.с.р. прил. *тѣоа сіла* — *тѣоа дѣла* (л. 141); Т ед.ч. // Д мн.ч.м.р. *фѣѡѡиловымъ чѣкомъ* — *фѣѡѡиловымъ люде* (л. 148 об.).

При выборе помет для отдельных словоформ прослеживаются определенные предпочтения составителя словаря. Так, для формы Р мн.ч. сущ. м.р. основным конкретизатором (91%) служат *всѣхъ* (69 примеров) и *мнѡгыхъ* (117 примеров): И ед.ч.м.р. // Р мн.ч.м.р. *врагъ ѡдѣнъ* — *врагъ мнѡгыхъ* (л. 132), *грѣшникъ ѡдѣнъ* — *грѣшникъ мнѡгы* (л. 133); *врачевъ съ* — *врачевъ всѣѣ* (л. 132 об.), *прѡстѣевъ глаасъ* — *прѡстѣевъ всѣѣ* (л. 138 об.).

Несмотря на то, что большинство инновационных решений, предложенных в Буковнице, не получили дальнейшего развития и распространения в книжности, сам факт появления грамматического описания, призванного кодифицировать и внедрить в практику книжного письма орфографические оппозиции для реализации принципа антистиха, свидетельствует о ключевом значении проблемы снятия омонимии для славянской грамматической мысли и книжно-языковой практики конца XVI в. Впоследствии на решение этой же проблемы будет нацелена и нормализация церковнославянского языка в первых аналитических грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) / Е. А. Аксенова // Советское славяноведение — 1981 — № 1 — С. 66–77.
2. Кузьмина Е. А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. / Е. А. Кузьмина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология — 2016 — № 2 — С. 40–50.
3. Кузьмина Е. А. Антистих / Е. А. Кузьмина // Православная энциклопедия — М.: Церковно-научный

центр «Православная энциклопедия» — 2001 — Т. II — С. 549–553.

4. Кузьмина Е. А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции / Е. А. Кузьмина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология — 2011 — № 5 — С. 36–55.

5. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И. В. Ягич // Исследования по русскому языку — Санкт-Петербург, 1885–1895 — Т. I — 1067 с.

6. Инь Сюй. Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. / Инь Сюй // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы — М.: МАКС Пресс — 2016 — С. 89–91.

7. Живов В. М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли / В. М. Живов // The Language and Verse of Russia / In Honor of Dean S. Worth — М.: Восточная литература РАН — 1995 — С. 291–303 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Инь Сюй, аспирант кафедры русского языка

E-mail: andreiyin2014@yandex.ru

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Yin Xu, Postgraduate Student of the Russian Language
Department*

E-mail: andreiyin2014@yandex.ru